

A gas mask with a single lens and a filter is resting on a windowsill. The background shows a dark, industrial or war-torn interior with concrete pillars and debris. The lighting is dramatic, highlighting the texture of the mask and the surrounding environment.

ДЕНИС КИЛЕСОВ

**ХРОНИКА
МЁРТВОГО ГОРОДА**

16+

Денис Витальевич Килесов

Хроника мёртвого города

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63688736

SelfPub; 2021

Аннотация

Движение людей в противогазовых масках, имеющих непостижимые идеалы, плотно укрыто мраком таинственности. Говорят, что среди них встречаются фанатики, готовые денно и ночью воплощать одним им ведомые идеи в жизнь. Но, как бы люди не относились к ним, лишь эти скрытные незнакомцы пытаются удержать огонь культуры и цивилизации в мире, тонущем в безграмотности. Абстрактный Город на пороге войны с государством, которое хочет стереть Прошлое, чтобы никто не полагался на Будущее. В момент, когда все склонили головы, лишь блеск окуляров противогазов все еще воинственно устремлен вперед. У них нет имен. И вместо лиц у них – противогазы.

Содержание

Я – ДЕВУШКА ПРОТИВОГАЗЕРА	4
КАПИТАН ТУМАН, ПРОШУ ЗАМЕТИТЬ	9
БЛЮЗ УМИРАЮЩЕЙ НАДЕЖДЫ	15
ВЕРА БЕЗ ПОКЛОНЕНИЯ	21
ПРОКЛЯТИЕ	31

Денис Килесов

Хроника мёртвого города

Я – ДЕВУШКА ПРОТИВОГАЗЕРА

В комнате было темно, за окном приглушенно гудел ночной город. Двое лежали на кровати, он почти уснул, а она занималась самым опасным занятием для девушек. Она думала.

– Дим, – позвала она чуть слышно, – не спишь еще? – она дотронулась до его плеча.

– Ну, теперь нет, – вздохнул он и повернул голову.

– Дим, а зачем у тебя столько этих... как их там... противогозов?

– Для коллекции, Маш. Все, спи.

Он собрался было повернуться на другой бок, как она опять спросила:

– А зачем тебе их собирать?

– Собирают же марки, модели танков, почему бы и не противогозы.

– Не знаю, это как-то странно. У меня дедушка работал в армии, и даже он в них ничего такого не находил.

– Хорошо, тогда я супергерой, который надевает маску по ночам и охраняет наш Забугорск от зла. Ты меня разоблачи-

ла, – сказал он совсем уж серьезно, хотя и улыбнулся украдкой. В темноте, правда, этого видно не было.

Она сначала замолчала, явно переваривая шутку, а потом шепнула:

– Если бы ты был супергероем, то у тебя бы не было девушки.

– Это еще почему?

– Они не хотят подвергать близких людей опасности, – довольная закончила Маша.

– Да, этот момент я не продумал. А что, если я скажу, что я не один такой?

– Не один имеешь девушку? Так в этом...

– Нет, – он прервал ее, – не один таскаю резиновые маски домой.

– Сомневаюсь, что кому-то может быть это интересно.

– Может-может. Еще как.

– Подожди, это как-нибудь связано с тем, что ты куда-то там ходишь по субботам?

– Напрямую, – ответил он и добавил, – хех.

– Значит ты не один такой псих, – уверенно заявила Маша.

– Чего это сразу псих-то? Мы, может, мир лучше сделать хотим.

– О, боже, не говори только, что ты в секту попал. Мне фанатик не нужен.

– Это твоя йога по четвергам – секта? – она возмущенно

открыла было свой смешной ротик, но он продолжал. – А у нас, между прочим, в Филиале люди даже за сорок есть.

– Это потому что психоз у вас, мужчин, в любом возрасте одинаковый, – победоносно заявила она, мстя за йогу.

– Вовсе не психоз.

– А что же тогда? В нашем Забугорске заняться нечем, вот вы и сходите с ума.

– Между прочим, Филиалы есть и в других городах.

В воздухе повисла пауза, она обдумывала услышанное.

– Палланика перечитали и лезете свои клубы с драками открывать?

– Мы морды друг другу не бьем. Учимся выживанию, объекты гражданской обороны восстанавливаем. Скоро кровь пойдем сдавать.

Она хихикнула.

– Выживанию они учатся. В городе выживать собрался? Ты же даже носки до стиральной машины донести не можешь, выживальщик. Тащишь только эту резину воняющую.

– Ничего ты не понимаешь. Мы едины, и не различаем друг друга по национальности или возрасту.

– Конечно, под этими масками без разницы, бурят ты или русский, школьник или отец двоих детей.

– Смеешься, а это действительно так. Эту идею дал нам Главный, и мы ей следуем.

– Вот сейчас это точно похоже на секту. И сколько ты денег уже ему отдал?

– Нисколько, – горячо ответил он, – я вообще ни разу его не видел. А идеи у него правильные. У нас уже сторонников сотни людей из разных городов.

– Ладно, не кипятись, чайник, – она примирительно положила свою ладошку ему на живот.

– Да не кипячусь я. Просто знаешь, хочется быть частью чего-то большего.

– Вот вам неймется. Небось, себе и прозвище придумали.

– Это не прозвище. Прозвища дают питомцам. Мы – противогазеры.

Тут она не сдержалась и засмеялась в голос.

– Чего ржешь-то? – обиженно спросил он.

– Ничего, смешно очень. Слушай, а если серьезно. Может он просто мозги вам промывает, этот Главный, и просто хочет в депутаты пробиться.

– Нет, Маш. Для него все это не важно. Его волнует гораздо более высокие цели. И не промывает он нам ничего. Говорю же, мы и не видели его никогда. Даже Главы Филиалов общаются не с ним лично, а со специальным человеком.

– С каким еще человеком?

– Не знаю. Туманная он личность, – ухмыльнулся он и добавил, – хех.

– Но ведь ты не собираешься в буддисты записываться из-за ваших идей?

– Нет. Каждый противогазер, его личность, его интересы и взгляды священны.

– О как, священны даже. Теперь я понимаю, почему тебе так там нравится.

– Не издевайся, все это действительно так на самом деле.

– И все же, а вдруг этот Главный начнет собирать армию, вы же как глупое стадо туда не пойдете?

– Я же сказал, мы все уникальны ровно настолько, насколько одинаковы в масках. Это основная идея. Хотя мы все становимся похожи внешне, мы разные внутри, и этим сильны. Мы меньше всего напоминаем стадо.

– Ты не ответил на вопрос. Про армию.

– Не думаю, что до этого дойдет, но...

– Но?

– Но, думаю, в случае чего, мы сами добровольно встанем на его сторону. Все, как один.

Возможно, это поразило ее до глубины души. А может она вообще ничего не поняла и выкинула все из головы той же ночью. Ведь любимые люди часто занимаются чем-то странным, что приходится поддерживать и одобрять. Но одно очень странное чувство осталось в ее душе. Едва оно затухало, как она вызывала его вновь. «Я – девушка противозера», – и в ее душе опять все перевернулось.

КАПИТАН ТУМАН, ПРОШУ ЗАМЕТИТЬ

Был один из тех дней, когда хочется залезть в какую-нибудь нору и переждать мерзкую погоду глубоко под землей. Моросил дождь вперемешку то ли со снегом, то ли со льдом. Порывы холодного ветра норовили выстудить все, до чего им удавалось добраться. Человек в длинном кожаном плаще с какой-то маской в руках торопливо шагал по тротуару. В такое время мало кто празднично шатался на улице, так что вокруг было относительно пусто. Лишь иногда огни проезжающих машин выхватывали из темноты сутулящуюся фигуру. Спасаясь от холода, прохожий то и дело поправлял высокий воротник, чтобы тот надежно закрывал горло. Для этого он вынимал свободную руку из кармана, перекладывал в нее маску, другой одергивал одежду и вновь прятал ее в карман от холода. Когда он в очередной раз совершал эту процедуру, мимо на большой скорости проехал большой американский внедорожник и на короткий миг полностью вырвал из тьмы силуэт человека. Секунда, и вокруг опять непроглядный мрак, но именно этой секунды хватило, чтобы рассмотреть, что же он держит в руке. Это был противогаз.

Вдалеке замаячили огни жилого района, и незнакомец свернул в сторону унылой девятиэтажки. Дорога, по кото-

рой добирался ночной путник, вела в промышленную зону маленького северного Города. Утопая берцами в размякшей глине и чавкая подошвами, он упорно шел напрямик, срезая путь. Кажется, его абсолютно не волновал тот факт, что стоило ему лишь на мгновение потерять равновесие, поскользнуться и упасть, он полетел бы в котлован, вырытый под фундамент дома. Сейчас он зиял бездонной чернотой. Края его были размыты дождем, так что соскользнуть вниз было проще простого. В этот час не было видно, что находится на дне, однако учитывая, для чего сделана эта яма, внизу могла быть арматура и строительный мусор. А это все не очень благоприятно сказывается на здоровье того, кто умудрился рухнуть на эту кучу. Человек, продолжавший идти, либо слишком хорошо знал дорогу, либо абсолютно не боялся своей судьбы и был немного безумен. А дороги здесь, судя по всему, не было вовсе.

Отряхнув грязные ботинки, незнакомец открыл старую деревянную дверь девятиэтажного дома и вошел внутрь. Не было света, но глаза его уже привыкли к темноте. Повсюду воняло чем-то, напоминающим тухлые яйца. Это его не смущало. От лестницы в две стороны уходили узкие и очень низкие коридоры, в которых валялись мешки из-под мусора недельной свежести. Под его ногами что-то хрустнуло. Главное правило, ничего не трогать руками. И он продолжил подниматься на нужный этаж. Позади остался раздавленный шприц с подозрительными бурыми каплями. Не общежитие,

а райское место. Наконец незнакомец добрался до нужной двери. Открыл ее, вошел внутрь и закрыл изнутри на ключ.

– Здравствуй, Туман, – поприветствовал его сосед, – я немного занят, – сказал он, встал на колени, закрыл глаза и что-то зашептал себе под нос.

– Капитан Туман, прошу заметить. Ты что это, молишься? Сосед отмахнулся, не переставая бубнить себе что-то под нос.

– Не-ет, приятель. Это ты брось, – начал Капитан, – с чего в башку-то взбрело? – реакции не последовало. – Я сказал хватит болтать со своими придуманными друзьями! – вдруг резко рявкнул Капитан и схватил соседа за руку.

– Во-первых, какого черта ты в ботинках в комнате?! Во-вторых, это не твое собачье дело, в каких богов я верю! Сам-то хорош. Во что веришь, в газовую маску свою?

Тут Капитан рассмеялся.

– Хорошо, приятель, – сказал он, – хорошо, – Туман подошел к окну. – Просто замечательно, – он раскрыл створку, запуская холодный ветер в комнату, отчего его сосед удивленно обернулся, – верь в своих богов, а я буду верить в своего, – он швырнул ключ от комнаты на улицу.

– Верь в своих богов и молись. Надеюсь, что твоя вера крепка, – Капитан закрыл окно и заслонил его собой. – Я тоже буду молиться, – он взял в руки маску. – И мы проверим, чьи боги сильнее, – последняя фраза прозвучала глухо через переговорное устройство противогаса.

Сосед Капитана ошарашенно следил за его не совсем адекватными действиями и молчал. Он просто не понимал, что сейчас произойдет.

– Ну, товарищ, поехали, испытание Веры начинается!

С этими словами Туман вытащил из кармана серый металлический цилиндр и со всего размаха хлопнул его днищем по стене. Резко повалил густой дым. Маленькую комнату вмиг заволокло непроглядной пеленой. Дальше вытянутой руки уже нельзя было что-либо рассмотреть, а уж вдохнуть полной грудью и подавно. Из дыма вынырнул сосед Капитана. Его глаза в панике метались из стороны в сторону. Он беспрестанно кашлял. Оперевшись о плечо Тумана, он попытался дотянуться до окна, но получил мощный удар под дых.

– Молись, сукин сын! – заорал Туман. – Это самый прекрасный момент твоей жизни, ведь ты можешь доказать свою Веру. Проверить, спасет ли тебя твой придуманный друг. Протянет ли тебе руку помощи, когда ты задыхаешься!

Он присел над соседом, который уже корчился на полу и орал что-то невразумительное.

– Молись и будешь вознагражден. Ты ведь веришь в это, верно? Я вот верю лишь в какой-то глупый противогаз. И, как видишь, пока вполне себе наслаждаюсь жизнью. **ТАК ВЗЫВАЙ ЖЕ К БОГАМ!** – голос Тумана сорвался на крик. – **УМОЛЯЙ ИХ О СПАСЕНИИ!**

Он дико захохотал.

– Что, хочешь выйти? – проорал Капитан. – Так давай, попробуй, – он взял соседа за шкирку и толкнул к двери.

Сосед шарил руками по замкам, пытаясь ее открыть, но она была закрыта. Осознав свое положение, он упал на пол и прижался спиной к двери. Из глаз его брызнули слезы. Его губы посинели.

– Не убивай, – он вновь зашелся в кашле.

– Как ты мог так плохо обо мне подумать, приятель? Я хочу тебе только хорошего! – Капитан уселся рядом с ним и положил руку ему на плечо. – Просто понимаешь, в чем загвоздка? Ты тратишь себя, распыляешься на фантазии других. Зачем? Моя вера, как видишь, оказалась сильнее, – его голос глухо доносился из-под противогаза.

– Хочешь, я посвящу тебя? – у его соседа хватило сил лишь на кивок.

– Тогда повторяй за мной. Клянусь быть честным противогазером.

– Клянусь...

– Нет, повторяй. Хотя... И так нормально. Клянусь быть аполитичным и не поддаваться пропаганде продажных властей.

– Кля... кха...кха... клянусь.

– Клянусь быть в первую очередь Человеком, не делать зла и поступать только по совести.

– Кха...кха...кха...клянусь.

– Алюминь. На первый раз достаточно. Сейчас задержи

дыхание, – с этими словами Туман запустил руку в ящик стола и извлек из него второй противогаз. Слитным движением он натянул его на голову соседа.

– А теперь резко выдохни. Все, ритуал окончен. Мои поздравления, приятель, ты один из нас! – он поднялся и протянул соседу руку. – А теперь вставай, надо найти запасной ключ от двери.

БЛЮЗ УМИРАЮЩЕЙ НАДЕЖДЫ

Где-то в глубине города, протяжно скуля, выла одинокая сирена воздушной тревоги. «Плановая проверка», – отстраненно подумало большинство горожан.

– Общий сбор, – сказал человек с ручкой и испещренной записями и пометками тетрадью в руках. Он обращался к своему соседу, испуганно озирающемуся вокруг. Захлопнув толстую тетрадь, он встал и распахнул шкаф, занимающий едва ли не половину маленькой комнаты общежития.

– Одевайся, пора тебе познакомиться с остальными, – с этими словами он накинул на плечи черный, с серыми проплешинами, плащ, и начал обуваться.

– Туман, у меня проект к завтрашнему дню надо сдать, может как-нибудь в другой...

– Фадей, ты забыл, что мне наплевать на твою суетность? Ты один из нас, и ничего для тебя теперь не может быть важнее.

Туман зашнуровал ботинки с высоким берцем и вышел в общий коридор.

– Мой тоже возьми, – он кивнул соседу на два одинаковых противогаза, лежащих на столе.

Фадей понурился, сгреб на кровать книги, торопливо со-

брался и вышел вслед за Туманом, прихватив газовые маски. На улице пришлось продираться через хлюпающее грязевое болото мимо стройки. Фадей все норовил поскользнуться и сверзнуться в глубокий котлован, темнеющий черным провалом, но безжалостная рука Тумана вовремя хватала его за воротник и возвращала на путь истинный. От грязного вечернего воздуха мутило, не спасала даже осенняя прохлада.

– Ну наконец-то, – пробурчал Фадей, когда они добрались до разбитого асфальтного полотна. Он достал маленький ингалятор силара – легкого синтетического наркотика, но не успел даже снять защитный колпачок. Туман выхватил ингалятор, бросил его под ноги и раздавил толстой подошвой, игнорируя недоуменный взгляд соседа.

– Запомни, теперь в твоей жизни не будет никакой подобной дряни, – пояснил он и бросил взгляд на часы. – Мы, к тому же, сильно задерживаемся.

Спустя пару километров дворов, темных переулков и сомнительных проходов, Туман привел своего соседа к большому заброшенному оперному театру. Колонны его были изрезаны глубокими трещинами, куски желтой краски вместе со штукатуркой отваливались с фасада, а в занавешенных разным тряпьем и ветошью окнах не было стекол.

– Надевай маску, – скомандовал Туман, не оборачиваясь.

– Так ты меня вроде как знакомить хотел.

– И?

– Ну, так как меня запомнят, если на лице у меня будет

такой же противогаз, как и у остальных?

– Фадей, я же тебе, дурак, говорил. Какой, черт возьми, от тебя толк, если ты можешь запомниться остальным лишь своей рожей? Вот постарайся, чтобы люди увидели в тебе человека, потом и свети мордой, сколько влезет.

– Так подумают, что я псих какой, вдруг я один в маске припрусь?

– Противогазеры не подумают, хех, – усмехнулся Туман. – Вот увидишь.

Они натянули противогазы и шагнули в темный портал входа в театр.

Коридоры, устланные пожелтевшими страницами бухгалтерских отчетов, личных дел и газет привели их в зал, где раньше перед зрителями в солидных костюмах и роскошных вечерних платьях выступали симфонические оркестры, танцевальные ансамбли и дуэты вокалистов. Но то было раньше, сейчас искусство вовсе перестало трогать души людей, им гораздо приятнее внимать кричащим голосам теле- и радиовещания. По всей стране храмы культуры гасли, как сгоревшие спички, и медленно гнили, стираясь жерновами Времени в труху. Раньше большую часть зала занимали ряды мягких кресел с мягкой вельветовой обивкой. Оказалось, что горят они вполне сносно, и после закрытия театра большую их часть растащили на отопление домов и квартир жители окрестностей.

По скрипящей деревянной сцене перед толпой людей, си-

дящих прямо на полу, ходил человек и вдохновенно говорил. Свою речь он уже, судя по всему, заканчивал, Туман и Фадей тихо присоединились к задним рядам слушателей, стараясь не помешать.

– ... в этом театре больше не звучат произведения Моцарта и Бетховена, людям это больше не нужно. Они теперь жрут и еле переваривают гигабайты телепередач, кричат тогда, когда там говорят закричать и с пеной во рту бьют кулаками по столу, отбивая такт. Если раньше я не верил до конца, что мир, который достался нам такой дорогой ценой, мы сможем сами втоптать в грязь, то теперь у меня не осталось и капли сомнения. С каждым днем мы вязнем в собственном дерьме все глубже. Кричим об индивидуальности, топим друг друга в попытках выделиться, а на деле остаемся безликой массой, толкающей страну к краю, за которым лишь тьма. Для этого мы набираем силу, газеры! Чтобы открыть глаза друг другу и остальным, чтобы остановить весь этот собственноручный Потоп, чтобы потом мы смогли с полной уверенностью сказать, что у нас получилось. Либо что мы, в отличие от других, попытались. Мы должны стремиться вверх, а не вниз, и ни на секунду не терять надежды, умирающей в нашем мире!

Человек на сцене замолчал и просто спрыгнул вниз, усаживаясь наравне с остальными. Аплодисменты раздались секундой позже. Ряды людей в абсолютно одинаковых противогазах аплодировали пустой сцене.

– Почему он так сразу слился с остальными? Да и кто он

вообще? – спросил Фадей у Тумана.

– Он показывает, что несмотря ни на что, продолжает оставаться равным среди равных, – пояснил Туман. – Это был Дум, наш лидер.

Когда аплодисменты поутихли, на сцену вышел человек с черной потертой гитарой и снял свой противогаз с абсолютно черным визором.

– Здесь звучали правильные слова о надежде. Она умирает, но продолжает цепляться за таких, как мы с вами. Так же и мы, цепляемся за нее всеми силами, именно поэтому мы каждый раз собираемся здесь. Я уверен, что пройдут годы, но в этом зале заброшенного оперного театра мы продолжим собираться, и вместо Бетховена здесь продолжит раздаваться блюз умирающей надежды.

Его низкий хриплый голос поднимался откуда-то из глубины груди, а вовсе не из массивного лысого черепа, и пробирал до мурашек. Человек на сцене одернул кожаную куртку, перевесил гитару, тронул струны, ударил сильнее и заиграл. Дребезжащие аккорды зацепились друг за друга, и шестеренки музыки понесли над залом блюз умирающей надежды.

« В наших глазах крики «Вперед!»

В наших глазах окрики «Стоять!»

В наших глазах рождение дня

И смерть огня.

В наших глазах звездная ночь,

*В наших глазах потерянный рай
В наших глазах закрытая дверь,
Что тебе нужно – выбирай...»*

ВЕРА БЕЗ ПОКЛОНЕНИЯ

«Холодно.

Мерзнут до фиолетовой синевы пальцы и густеют сизые чернила. Нет, не так ведут подобные записи. Стоит начать заново, если что вырву первую страницу.

Итак, начали. Сейчас конец ноября, недавно выпал снег. Воды в кранах по-прежнему нет, а батареи ледяные. Но среди нас все еще горит уверенность.

Мда, как-то совсем непонятно получается. А что, если эту запись будет читать тот, кто понятия не имеет, что сейчас происходит? Ну, в таком случае, надо кратко обрисовать ситуацию. А то историки часто забывают писать о том, что происходит за время их жизни, несмотря на то, что это такая же история. Ну ладно, возможно, я буду из числа немногих, кто этим займется и уж точно первым, чьи записи переживут создателя в Хранилище.

Вернемся к нашим баранам. Нахожусь я в Городе, ныне блокадном. Верховное правительство отказывается снабжать нас водой и практически обрубил электричество. С этим понятно, теперь объясню, из-за чего это все. Ну, кем бы ты ни был, читатель, о явлении свободного газерства ты слышал, так что это размусоливать не буду. Город можно смело назвать колыбелью газерства, а с недавних пор и настоящей цитаделью. Лет семь назад, по неведомым мне при-

чинам, движение стало набирать популярность и лавинообразно расширилось. Количество сторонников с противогАЗами вместо лиц росло практически в геометрической прогрессии. Поразительно, но идея захватила абсолютно разные слои населения. В конечном итоге, сторонники газерского движения стали повсюду. Они водили такси, преподавали в школах и университетах, готовили еду и разносили ее, служили в воинских частях и даже командовали ими, управляли банками и заседали в администрации Города. Тысячи людей, имеющих одно и то же пристрастие.

Как и у любого движения, у свободных газеров был лидер. Он редко об этом заявлял и вообще считал себя равным с остальными, чем заслужил еще большее уважение. Звали его Дум, среди газеров в ходу были лишь полуимена-полуклички. И был он того возраста, в котором твое слово уже имеет вес, но никто пока не хочет этого признать. Это был возраст неизбежных перемен. С ростом движения, у него появилось много полезных знакомых, которые и подсказали ему, что делать дальше. Прошло сравнительно немного времени, каких-то несколько лет, и настал день, не такой уж и далекий от сегодняшнего. Дум пошел в политику, и, в конечном счете, встал во главе правительства Города, единогласно поддержанный населением. К тому времени каждый житель Города так или иначе был причастен к движению противогазеров и всецело его поддерживал. Короче, любой политик бы позавидовал такому отношению избирателей. Вот тогда и нача-

лось самое интересное. В Государстве было объявлено Пришествие Пророка.

Ни больше, ни меньше. Все прошло по отработанной схеме. Одаренный прозрением и благодатью Пророк быстро прошел тернистый путь от изгоя до всеобщего любимца (спасибо СМИ). Все бы ничего, такие провидцы и раньше праздно шатались и вытягивали деньги с набожных дурачков, но случилось невозможное – правители Государства признали Пророка. Без всяких мученичеств от местного Понтия Пилата. Не знаю, что же там произошло на самом деле, а что раздуло телевидение, но факт налицо. Религиозного фанатика вдруг нарядили в дорогой костюм, побрили, причесали, и со святым раболепием вручили ему полномочия Главы правительства. Вот это я понимаю, новогодний розыгрыш!

А тем временем все это было более, чем серьезно. По стране, ревя движками огромных внедорожников, разъехали проповедники, окруженные военными конвоями, дабы мирным способом набрать сторонников новой веры. Противников, почему-то, оказалось мало. Да и те немногие, как-то сами посбрасывались с мостов, постреляли друг друга с незапатентованных пистолетов и наглотались нелицензированных таблеток. Все стало прекрасно. По всем городам затеялись стройки, создано много рабочих мест. И теперь люди работали с желанием, ради общей цели. Никому не нужные университеты и театры сносились, как пережитки

архаичного прошлого, а на их месте строились храмы Пророка с его ликом на стенах. Идиллия. Нарушил ее только наш Город.

Все жители оказались возмущены Пришествием и прямо заявили, – «Дум, изгибайся хоть узлом, но здесь этой ереси (мат заменен) не будет. Пусть проваливают на все четыре стороны! (в оригинале звучит лучше, но мат, опять же, заменен)» Как-то так и получилось, что ни священники со своими инквизиторами в погонах, ни строители храмов, в Город не попали, и были посланы в дальнейшее пешее путешествие. Уехали они мирно, но, как оказалось, крепко обиделись.

Расстроились нашим отказом они крепко, ответ не заставил себя долго ждать. Сначала Город лишился электричества. На неделю. Без каких-либо предупреждений. Невозможно даже было связаться с верховным правительством. Потом подачу электроэнергии восстановили, и Дум поехал в столицу разбираться с возникшем недопониманием. Пока его не было, случилось еще одно интересное явление – абсолютно все СМИ начали вести пропаганду веры Пророка без перерывов на обед, вечернее чаепитие и сон. Двадцать четыре часа в сутки счастливых песен и молитв, превозносящих Рай на земле, в который превратится Государство с Пророком во главе. В Городе никто больше не включал телевизор и радио. Тогда все еще надеялись, что скоро все образуется, и временное помешательство исчерпает само себя.

Дум вернулся не с самыми приятными новостями. По его

словам, внешний мир помешался и впал в фанатичное безумие, словно древние англосаксы перед крестовым походом. Примерно это, кстати, и планировалось. Город уже успели окрестить «нечистым» и «отрекшимся», а также подлежащим «очищению от грехов». И хоть это было сказано неофициально, стало понятно, на каком курсе парусник верховного правительства...»

– Все пишешь?

– Кто-то должен это делать, – буркнул в ответ Борат.

– Мания величия просто у тебя. Вот и все, – по обыкновению поддел его собеседник, – поел бы чего, ходишь, как костыль бородатый.

– Все сказал? – смысла в таком диалоге было с гулькин ... кхм ... нос.

– Нет еще. Мне тут Совун хлопчика передал. Говорит, вопросов у него куча, вроде как не местный.

– Ясное дело не местный. Газеру выпрашивать нечего, и так все знает. От меня-то ты что хочешь?

– Я болтать не люблю, да и занят. Потреци с ним, а? – в голосе практически угадывались нотки мольбы.

Проводить увеселительные экскурсии по пустым и холодным улицам Города было тем еще удовольствием. Но раз уж решили повесить эту святую обязанность на него, значит, не отвяжутся.

– Черт с тобой, веди меня к своему попаданцу.

Попаданец оказался парнем неопределенного возраста в

старых мешковатых штанах и толстых очках на цепочке. Глаза его были сильно увеличены стеклами и выглядели донельзя потешно. Еще он перебирал пухлыми губами на выкате, репетируя вопросы, которые непременно хотел задать. Борат даже улыбнулся, пока они подходили к незнакомцу.

– Ну, оставлю вас. Мне пора, – неуловимое мгновение, и Борат остался наедине с новым собеседником.

Тот немного помялся, потеревил мятый блокнот в руках и решил представиться:

– Рад, что согласились уделить немного времени. Я, в общем-то...

– Журналист, – закончил за него Борат, – Но это не имеет никакого значения.

– Хм, да, вы правы, – смешался незнакомец, – Меня зовут...

– Нет мне разницы, как тебя родители обозвали. Здесь так не принято. Я – Борат. А ты Туристом будешь, пока не уедешь. Устраивает?

Попаданец активно закивал, его все устраивало. Еще бы, Борат оказался первым из пятерых в Городе, кто согласился с ним толково поговорить. Турист долго донимал вопросами о каких-то незначительных мелочах, перебивая самого себя чем-то, по его мнению, более масштабным.

«А как вы относитесь к оружию?», – спрашивал он и тут же задавал другой вопрос. – «Почему вы так не любите Пророка?»

– Давай, ты будешь хотя бы ждать моих ответов, ладно? – раздраженно оборвал поток вопросов Борат.

– Конечно, – тут же пролепетал Турист. – Так как вы относитесь к оружию? Готовитесь ли к войне? Если нет, то к чему все эти противогазы? – выпалил он, косясь на противогазную сумку на поясе газера.

– Скажем так, никакой войны мы не ищем, не надо представлять нас солдатами, готовящимися умереть, лишь бы не подчиняться Государству. Не было бы этого пресловутого Пришествия, никакой бы блокады никогда не состоялось. А теперь мы все поголовно записаны в списки радикальных экстремистов. Мы этого не хотели.

– Так почему не пойти на компромиссы с Пророком? – недоумевающе спросил Турист. – Все неудобства мигом прекратятся.

– Да потому что мы видим вас со стороны. Книги стали под запретом. Свободомыслие – уголовно наказуемо. Да и эта новая религия, основанная на тупом поклонении... Не наш путь.

– Погодите. Книги? Да Пророк с ними, с этими книгами. Зато какие зарплаты, новые расширенные льготы и целое непаханное поле для карьерного роста! Да и в религии, в общем-то, не поклонение вовсе, а Вера, – пояснил он с такой интонацией, словно учил дошкольника.

– Нет-нет-нет! – Борат остановился и возмущенно уставился на собеседника. – Веры там как раз-таки нет. Вера, она

лежит в основе *нашего* движения. И это вера в человека, его силы и его будущее. Мы смотрим вперед, надеемся и верим в лучшее, готовясь тем временем, к худшему. А религия это сплошь поклонение – Пророку, его храмам и Прошлому. Это не просто нельзя назвать движением вперед, это скорее падение. Как только государство оказывается на краю пропасти, в нем возникает новая религия, и толкает его туда с удвоенной силой.

– То есть вы считаете, что веры в религии нет? – насмешливо спросил Турист.

– Когда-то именно Вера направила самолеты в небо, а вот уже религия развернула их на небоскребы, – угрюмо ответил Борат.

До самого вечера они бродили по Городу, и поток вопросов лишь немного стал иссякать. Бестолковых, глупых и неинтересных вопросов. С наступлением темноты, за Туристом приехала машина в сопровождении милицейского патруля с красным треугольником на машинах – знаком Пророка. На всех выездах из города теперь стояли кордоны, не выпускающих газеров из Города.

Борат вернулся в свою каморку и вновь сел за рукопись, теперь уже с зажжённой свечой.

«Полезли ищейки, вынюхивают, что творится здесь. Роют копытом землю и готовятся. Только к чему? Хотя... известно к чему, вопрос в том, когда они решатся, и будем ли мы готовы к тому времени?»

Десятки писателей разных эпох предупреждали о таком развитии событий. Предсказывали и грозили пальцем, взывали к голосу разума, пока еще не поздно. Все послушно кивали головами, рассуждали о высоких материях и все равно толкали мир к краю. Самое забавное, что все это понимали, а остановиться не могли. Получается, разум дан нам лишь для осознания собственного бессилия?

Хотя я что-то отвлекся. Продолжим. Хранилище.

Я не знаю точной даты, потому что она зачем-то законсперирована, но примерно полтора года назад, началась постройка Хранилища. Весь проект содержался в строжайшей тайне, потому что агенты фанатиков могли узнать, где находится последний оплот здравомыслия. О Хранилище знал каждый, о его местоположении и размерах – единицы. И если вы читаете эти строки, оглянитесь вокруг и удивитесь, как можно изящно спрятать слона в посудной лавке. Если по какой-то причине вы не поняли, где находитесь или взяли мои записи первыми (что мне очень бы польстило), объясню. Хранилище по сути своей является огромной библиотекой, в которой собраны культурное, нравственное и историческое достояние Человека. Здесь есть труды знаковых философов и писателей, речи знаменитых когда-то ораторов и революционеров, стихи, определявшие мысли целых поколений и картины, бросавшие вызов несправедливости в прошлых веках. Здесь сам человек, то, из чего сотканы наши души. То, что мы изо всех сил постарались уберечь от людей Пророка.

Надеюсь, что после того, как последние бомбы упадут на Город, когда последние клубы отравляющих газов развеются, содержимое Хранилища не погибнет. Ведь если так, у Человека не будет больше шанса на возрождение. Я хочу лишь одного – чтобы оно пережило нас и изменило мир в будущем. Ведь, как известно, нет оружия сильнее, чем книга...

Противогазет Борат».

ПРОКЛЯТИЕ

Запах прелого сена может сигнализировать о двух вещах. Либо ветер принес ароматы с поля, где недавно была скошенная трава, либо артиллеристы зарядили снаряды с фосгеном.

Подвал дома был лишен окон. Все щели были заткнуты мокрыми тряпками, а к дверному проему прислонен матрас. Периодически, помещение сильно трясло от ударных волн рвущихся в городе бомб. Поначалу были слышны крики и вопли людей снаружи, затем лишь стоны и молитвы тех, кто остался в доме. Но последние полчаса доносились лишь хлопки, свист и шипение.

На полу лежал, скорчившись, человек в противогазе. Какова роскошь – целое убежище для одного человека. Но ему от осознания своего везения не было легче. Всем остальным бывшим обитателям этого убежища отравляющий газ стал до лампочки – не вытерпели. А Капитан Туман корчился в муках. Ватное тело отказывалось стоять. Слабость накатывала волнами, замутняя рассудок, и, стремясь вывернуть желудок наизнанку. Может, фильтры просрочены, а может и не фосген это вовсе, а нечто новое, более эффективное – Туман не знал. От фанатиков Пророка можно ожидать всего, чего угодно. Оставалось только терпеть и не сдаваться, ведь все еще есть, ради чего стоит выжить. Кислорода все меньше, мучительно трудно дышать.

Туман собрал силы и, привалившись к стене боком, встал на четвереньки, в бессилии опустив голову. Дышать стало немного легче. Запах сена, проникающий сквозь фильтры, вновь усилился – обстрел мятежного Города продолжался. «Только бы дожить до конца», – успел подумать Туман, и его рассудок нырнул в вязкое болото бреда и галлюцинаций.

Он очнулся. Вопреки остервенелой бомбежке, океанам напалма на улицах и облакам ядов, в которых затопили Город те, кого не устроили мысли и действия его обитателей. В стене напротив, прямо под низким потолком зияла дыра, пропускающая вечерний сумрак и оранжевые всполохи. Стены и пол были покрыты чем-то вязким и липким. Туман с трудом поднялся, опираясь рукой о стену. Бушлат из плотной ткани был прожжен в нескольких местах, словно попал под кислотный дождь. Неимоверно зачесалась щека, рука инстинктивно дернулась к лицу и устранила неприятное ощущение. И только через мгновение Капитан понял, что он сделал это, не снимая противогаза. Еще не до конца осознавая, он начал трогать лицо и лишь подтвердил свои смутные догадки. Противогаз, настолько привычный для любого противогазера, не только намертво врос в кожу, но и, по сути, полностью ее заменил. Теперь стоило прикоснуться к оплавленной резине, как это чувствовалось, словно и не было никакой маски.

«Дела-а...» – вздохнул Туман, и устало вылез наружу через образовавшееся окно, с трудом двигая конечностями.

Город изменился до неузнаваемости. Широкие проспекты завалило обломками зданий, глубокие воронки полыхали жарким химическим пламенем, а некогда высокие дома сторбились и рухнули под натиском снарядов. Зеленые парки обратились в серый пепел, а памятники деятелям культуры и науки, коими всегда славился Город, оказались сорванными с мраморных постаментов. Отовсюду, из-под обломков, из небольших бомбоубежищ и подвалов начали вылезать люди. Все они в растерянности оглядывались вокруг, не зная, что теперь делать. Все они были в масках, которые теперь никогда не смогут снять. Те, кто решил ими пренебречь, вовсе не пережили атаки.

Вдруг, откуда-то из глубины Города, послышалась музыка. Играла скрипка. Туман побрел на звук, волоча деревянные ноги по еще скользкому асфальту, расплавленному бушевавшей здесь огненной бурей. Как давно это случилось? День, два назад? Вполне возможно, что и целую неделю. Определить невозможно, да и нет никакой необходимости. Во многом теперь поубавилось смысла.

Скрипачом оказался мальчишка лет двенадцати. Он был в летней форме детского лагеря, в который возили детей еще этим летом, прямо накануне блокады. Инструмент мелко дрожал в его руках, от этого звук выходил не особо чистым. Но в то же время в нем была искренность и надежда, не сломленная гордость вперемешку с ребяческой обидой. Мальчишка стоял на пустом постаменте и играл, не обращая

внимания на увеличивающееся количество слушателей. Для него не существовало мира вокруг, лишь музыка, с помощью которой он говорил что-то очень важное, но недоступное для понимания остальным. В звуках скрипки была вся его трепещущая, как маленький язычок пламени на ветру, детская душа. На площадь вокруг постамента стекались люди, неуверенно тянущиеся друг за другом. Без исключения на всех присутствующих были маски, кроме маленького скрипача.

Когда он закончил и опустил смычок, кто-то в толпе, спустя минуту, нарушил гробовую тишину: «Как твое имя и где твои родители?»

В ответ на это скрипач лишь обвел всех тоскливым взглядом, молча прыгнул с постамента, и был таков.

«Он жив! Теперь не пропадем!» – пронеслось шелестом по толпе, и люди оживились. На постамент взобрался не кто иной, как Дум, никак чудом уцелевший. Появление лидера взбодрило всех, и широкоплечая фигура на постаменте приковала к себе десятки круглых окуляров масок. Как и всегда, его слова полились живительной волной, заставляя воспрянуть духом. Туман смотрел на него и думал про себя: «Да, все плохо. Хуже некуда. Но, черт возьми, мы все еще живы».

– ... и, к огромному сожалению, если весь мир сходит с ума, похоже, это значит, что именно мы стали ненормальными. Ведь, когда нормы массово меняются, и ты перестаешь вписываться в их рамки, именно тебя признают свихнувшимся безумцем. Вопрос лишь в том, стоила ли та при-

зрачная стабильность, за которую они так борются и угрозой которой стали противогазы, тех жертв? Чертов принцип малой крови, чтоб его... Так и получается, что мы, ничтожные единицы, по сравнению с общей массой, несущие в себе последние осколки здравомыслия, стали для остального мира безумцами.

Но знаете, что я скажу, товарищи? Мы живы. Они думают, что стерли нас с лица земли и больше не сунутся в Город. Мы выстояли, и теперь нас уже не тронут. У нас есть Хранилище, которое они так и не смогли найти и уничтожить. Поэтому, как я всегда говорил, будем жить назло врагам. Жесткая ирония, но теперь у нас действительно маски вместо лиц. Вместо лиц противогазы.

Наш лозунг.

Наша суть.

Наше проклятие...

На небе громыхнуло, затем еще и еще. И на проклятую землю обрушился черный маслянистый дождь.

Послесловие:

Движение людей "Вместо лиц противогазы" действительно существует. Оно состоит из деятельных ребят в городе Санкт-Петербург. Еще пару лет назад, на пике расцвета движения, РФ и СНГ насчитывали до 60 филиалов "ВЛП" в разных городах. И, хоть интерес к совместному изучению основ выживания, чтению спец. литературы и восстановлению объектов ГО у некоторых противогазеров поулег, движение все

еще существует. Дружные воины постапокалипсиса продолжают собираться в городе-родоначальнике всей этой небольшой субкультуры. Мне довелось познакомиться со многими участниками лично и влиться в эту дружную компанию. И я со всей уверенностью могу сказать, что противогазеры – настоящие, искренние и верные товарищи.

Движение имеет группу ВКонтakte: <https://vk.com/protivogazer>

*Знамена ввысь, покидаем подземные базы,
Дальше действовать будем мы!
Камуфляж и вместо лиц, противогазы,
Military Underground – это наш мир!*